

Судьба архиепископа Глазовского Авраамия (Дернова)

Г.А. Кочин

г. Глазов

Имя архиепископа Глазовского Авраамия (1874–1939) занимает заметное место среди святителей и виднейших деятелей Русской православной церкви XX века. В современной региональной историографии уже появилось несколько публикаций, посвященных его жизни и трудной судьбе. Это, в частности, исследования Е.Ф. Шумилова, о. А. Сухих, Странника, Е.В. Кустовой А.Г. Полякова и о. А. Малых. Значительная часть жизни святителя прошла в небольшом удмуртском городе Глазове. Однако почти весь период подвижнической деятельности, в течение которого владыка Авраамий исполнял долг духовного отца и архиерея Глазовской земли, остается сравнительно малоизученным. Анализ небольшого комплекса архивных документов позволяет нам подробнее раскрыть указанный этап в жизни архиепископа, который пришелся на 1920–1930-е гг. – самые суровые в истории православной России.

Владыка Авраамий, в миру Анатолий Иванович Дернов, принадлежал к старинному вятскому роду Дерновых, из которого вышло немало священников, крестьян и учителей. Его отец – Иоанн Васильевич Дернов (1837–1899), сын сельского священника, закончил Вятскую Духовную семинарию и был в 1858 г. *«рукоположен во священника по Троицкой церкви села Верхнепарзинского Глазовского уезда»* Вятской губернии. Это село находилось всего в 25 верстах от уездного города Глазова. Помимо исполнения пастырских обязанностей, Иоанн Васильевич проявил себя как талантливый изобретатель-самоучка. Еще в Верх-Парзях он первым в губернии создал производство яичного порошка и сухого молока, а также разработал технологию изготовления столовой посуды из прессованной бумаги. Еще в списке изобретений отца Иоанна числятся дешевая деревянная жатвенная машина, вёрстомер, путеграф (аппарат, вычерчивающий в три цвета рельеф местности), и даже автоматическая качалка для детей. Кроме того, по словам ижевского краеведа Е.Ф. Шумилова, священник хорошо знал язык удмуртов и описывал их обряды. В 1877 г. он был переведен «по прошению» на место священника в Глазовский Преображенский собор. Спустя четыре года отец Иоанн был удостоен сана протоиерея и стал благочинным первого округа, а также миссионером северной части Глазовского уезда.

Его сыновья также пошли по духовной линии. Старший сын Василий в течение 17 лет был священником села Балезино Глазовского уезда, а затем с 1907 г. и до конца 1930-х гг. служил в Преображенском соборе г. Глазова. Николай с 1902 до 1912 г. также состоял в штате Глазовского собора как священник и одновременно являлся законоучителем в городском училище и ряде других учебных заведений.

Анатолий был четвертым из шести детей отца Иоанна. Согласно информации, сообщенной владыкой Авраамием на допросе в ОГПУ в 1924 г., будущий епископ родился 29 июля 1874 г. в Верх-Парзинском селе. Почти все его детство прошло в Глазове. До 9 лет мальчик «жил при родителях», обучался в приходской школе, Глазовском духовном училище, Вятской духовной семинарии. Затем Анатолий *«определился для учения в Казанскую духовную академию»*, где в 1900 г. постригся в монашество с именем Авраамий. Через год он окончил академию со званием кандидата богословия. Следующие восемь лет монах Авраамий *«состоял членом киргизской инородческой миссии и проживал в гор. Семипалатинске, а в 1910 году был назначен архимандритом-настоятелем Белостокского Благовещенского монастыря Гродненской губернии»*. С 1915 г. *«временно проживал»* в Москве, Казани, Вятке, и в Глазове у брата. В 1920 г. Авраамий переехал в Вятку в связи с назначением *«наместником архимандрита-настоятеля Вятского мужского Трифонова монастыря»*, став в епархии одним из вождей борьбы с обновленческой церковью.

В сентябре 1923 г. игумен в Москве *«был посвящен патриархом Тихоном в епископы с назначением на Уржумскую кафедру и временно управляющим Вятской епархией патриаршей линии»*. Свое согласие принять ответственный пост Авраамий объяснил тем, что он учитывал *«тяжелое положение, в каком находится православная церковь <...> в связи с происходящим в ней расколом»*. Эта цитата характеризует Авраамия как человека долга, лишённого властолюбивых амбиций, но понимающего ответственность перед церковью и паствой, противостоящей сергианскому течению.

Успешное противодействие живоцерковникам не осталась без внимания ОГПУ. 27 декабря 1923 г. владыка Авраамий подвергся арест в первый раз. В мае следующего года епископ был освобожден под подписку о невыезде. Второй арест последовал почти через год, 6 марта 1925 г. По мнению вятского исследователя Е.В. Кустовой, поводом для задержания владыки Авраамия послужила его активная помощь ссыльным вятским

епископам Павлу и Виктору и священникам, а также всем осужденным по церковным и политическим делам Вятского исправдома. О том, какое впечатление на верующих производил владыка Авраамий, можно судить по письмам князя К. Э. Ухтомского, просидевшего с епископом в 1924 г. около двух месяцев в одной тюремной камере. В частности, князь писал: *«очень уж симпатичен и дорог для меня этот кроткий и истинно-верующий человек, в нем как-то все слилось: и твердость духа, и кротость, почти робость житейская <...> таких пастырей мало у нас было, а сейчас, в дни повсеместного оскудения и морального упадка – почти и совсем не видно»*. Епископу было предъявлено обвинение в «связи с монархическим элементом» и в руководстве церковно-монархическим центром по Вятской губернии. 13 ноября 1925 г. он был приговорен за «антисоветскую агитацию» к высылке в Зырянский край на три года и поселен в селе с красноречивым названием Гиблый Ад.

Тем временем на родине владыки Авраамия происходили не менее драматичные события, чем в Вятском крае и в стране в целом. В 1926 г. епископскую кафедру в Глазове возглавил сосланный туда бывший вятский архиерей Виктор (Островидов). Спустя год Глазов стал центром нового церковного раскола, а епископ – одним из вождей церковной оппозиции политике местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) и одним из основателей подпольной Истинно Православной Церкви, чье вятское ответвление получило название «викторианского разделения». В течение 1927–1928 гг. к Виктору присоединилось значительное число приходов Вятского края и Вотской области.

Владыка был знаком с епископом Авраамием еще со времени обучения в Казанской духовной академии и поддерживал с ним теплые отношения, укрепившиеся в ходе совместной борьбы с обновленцами. В 1924 г. епископ Виктор писал своим духовным чадам – вятской семье Чуудиновских: *«влад. Авраамий – великий человек по своему смирению пред Богом»*. В борьбе против обновленчества их взгляды совпадали, однако по поводу произошедшего раскола епископ Уржумский в двух письмах выразил в мягкой форме неодобрение деятельностью Виктора. Авраамий писал, что желает *«уйти в безвестное странничество, чтобы молиться без зазрения совести во всяком храме без различия»*. Епископ Глазовский ответил письмом от 15 января 1928 г. (копии

которого широко разошлись по православной России), где попытался убедить собеседника в своей правоте.

Однако еще 21 декабря 1927 г. владыка Авраамий написал в Вятку короткое письмо, адресованное архиепископу Павлу (Борисовскому), который когда-то также был соратником епископа Виктора, а теперь возглавил борьбу с «викторовщиной»: *«...Долго я не хотел верить, что на Вятке существует новый Ц. раскол и желал быть с теми и другими, и хотя там у меня – друзья, хотя слышу, что Вы не хотите пускать меня на Вятку, я все-таки заявляю, что я с Вами...»* Можно предположить, что решение написать такое письмо далось епископу Уржумскому очень и очень нелегко.

В то время на Вятке распространились слухи о том, что владыка Авраамий всецело *«сочувствует церковным раздорникам, возглавляемым Епископом Виктором»*. Поэтому послание произвело, без сомнения, эффект разорвавшейся бомбы. Ввиду этого Временный Вятский Епархиальный Совет постановил «дать письму Владыки Авраамия возможно широкое распространение в г. Вятке и епархии». Основную причину своего неприятия раскола владыка Авраамий разъяснил спустя месяц, 17 февраля 1928 г, в письме на имя иерея церкви с. Средне-Ивкино Сергея Домрачева: *«я предан не лично тому или иному иерарху, а тому пути Христову, на котором он стоит»*. По словам епископа Котельнического Никифора (Ефимова), *«только потому»*, что владыка отмежевался от «викторианцев», *«многие церковники и миряне»* и остались в «православии». Таким образом, истинно христианская позиция и высокий духовный авторитет епископа Уржумского позволили серьезно укрепить позиции архиепископа Павла и сергианского направления в Вятской епархии.

В марте 1928 г. в Вятской епархии с нетерпением ждали скорого возвращения владыки Авраамия, срок ссылки которого заканчивался в этом месяце. Епархиальный совет, обеспокоенный известием, что преосвященный Авраамий *«имеет намерение совершить свой обратный путь пешком»*, даже принял решение телеграфировать владыке с целью *«ускорить выездом в Вятку, так как его отсутствие вызывает тяжелые последствия для епархии»*.

Но этой надежде не суждено было сбыться. 9 марта 1928 г. епископ Уржумский решением особого совещания при коллегии ОГПУ был лишен права проживания в 6 крупных городах СССР и в Вятской губернии. Не имея возможности вернуться к своей пастве в Уржуме и Вятке, епископ Авраамий, по сведениям Синода Зарубежной Церкви, был вынужден переехать в Сталинградскую область в г. Камышин. Скорее всего, выбор этого места был неслучаен. Епископ Виктор (Островидов) был родом из этого городка на берегу Волги. По мнению исследователя Л.Е. Сикорской, *«вполне вероятно, что после ссылки владыку Авраамия в Камышине могли принять по просьбе владыки Виктора его родственники (мать, брат и сестра с семьями)»*. Если информация о данном месте ссылки соответствует истине, то следует предположить, даже несовпадение взглядов не разрушило дружеских отношений между двумя вятскими архиереями.

Спустя несколько месяцев епископ Уржумский в административном порядке был выслан в Глазов, где проживал его старший брат-священник. 17 апреля 1928 г. владыка Авраамия пишет архиепископу Павлу: *«я был обрадован вестью о скором своем освобождении, но и опечален, что лишен возможности посетить Вятку, видеть Вас и всех, кто близок мне по духу. Не зная, где главы преклонить, поеду в Глазовский уезд к родным, оставаясь неизменно в духовном единении с Вами...»* Виктора в Глазове уже не было, его еще 4 апреля арестовали и в мае приговорили к заключению в Соловках. Епископ Глазовский погиб спустя шесть лет, находясь в ссылке в Коми (Зырянской) автономной области.

Подробной информацией об обстоятельствах жизни владыки Авраамия в Глазове исследователи не располагают. Можно предположить, что ссыльный епископ первое время после приезда жил в деревянном одноэтажном доме № 18 по улице Ленина, принадлежащем его старшему брату о. Василию, священнику Преображенского собора. Этот дом находился на западной окраине Глазова, недалеко от Духовского кладбища (сегодня - территория Ледового дворца «Прогресс»). Проживая здесь на правах ссыльного, епископ не мог выехать к своей вятской пастве. Поэтому в конце 1928 г. владыка подал прошение на имя митрополита Сергия об увольнении на покой. Однако вместо увольнения он получил новое назначение. По ходатайству владыки Котельнического Никифора московская Патриархия в феврале 1929 г. назначила Авраамия попечителем некоторых

вышедших из раскола округов Глазовской епископии с предоставлением *«временно права самостоятельно правящего архиерея»*. В течение 1929 г. *«викторовщина»* в Глазове *«совершенно ликвидировалась»*, а все духовенство города принесло покаяние и перешло на сторону митрополита Сергия.

Архиерейство Авраамия пришлось на трудные годы в истории страны. В 1929 г. началась очередная кампания по борьбе с религией. В Глазове резко активизировалась антицерковная деятельность местной власти. 30 марта 1929 г. городской Совет под предлогом *«громадного роста культурных запросов трудящихся города»* и *«острого недостатка помещений для культурных целей»* отобрал у верующих Георгиевскую церковь и Александровскую часовню. Церковь была перестроена под городскую библиотеку, а часовня разобрана на кирпичи. Затем у православной Преображенской общины была изъята кладбищенская церковь. В начале 1930 г. в городе началась кампания по *«взысканию недоимок по государственным и местным налогам и сборам»*, фактически вылившаяся в раскулачивание почти всех *«бывших»* именитых горожан, торговцев и духовенства. По ночам в домах производились обыски, а утром изъятое имущество вывозилось и распродалось за бесценок. Пострадал и старший брат владыки Авраамия о. Василий. Он лишился дома с надворными постройками, а перечень изъятого имущества от мебели до салфеток уместился на трех листах. Священнику возвратили только две рясы и *«подрястик белый»*.

Вероятно, именно с этого момента и до 1937 г. местом жительства епископа Авраамия следует считать Преображенский собор, представлявший собой целый комплекс зданий. Документ 1932 г. описывал его так: *«с западной стороны находится 1 колокольня в один ярус <...>. За колокольней <...>, находится т. наз. «старый» (Никольский) собор; за ним – помещение для сторожей; с восточной стороны находится «Новый» (Преображенский) Собор. Все эти отдельные части тесно примыкают друг к другу»*. Епископ жил в здании *«сторожки»*, в небольшой комнате с одним окном, выходящим на городскую площадь.

15 марта 1930 г., Президиум городского совета изъял у верующих *«старый»* собор *«для хранения зерна»* и размещения кооперативного техникума, в 1932 г. отобрал Вознесенскую колокольню для использования под пожарную каланчу, а в 1934 г. –

кладбищенский храм. Вознесенский храм-колокольню, у которого был снесен верх со шпилем-крестом, в 1935 г. переделали под парашютную вышку. В 1936 г. все три отобранных у верующих каменных храма «в связи с дефицитом на стройматериалы» были разрушены. Таким образом, к концу 1936 г. на главной площади Глазова из всех зданий Вознесенско-Преображенского храмового комплекса остался только «новый» собор с помещением для сторожей, где продолжал жить владыка Авраамий.

Силы владыки в борьбе с властями были неравными. Однако в том, что Преображенский собор сумел продержаться почти пять лет, есть немалая заслуга его причта и прихожан, духовно окормляемых епископом Глазовским. Городские власти неоднократно пытались изъять храм под предлогом его «аварийности». Собор неустанно посещали комиссии Горсовета, требовавшие капитального ремонта еще достаточно крепкого каменного здания. Все богослужения и собрания в храме запрещались под страхом уголовной ответственности.

Не менее активно борьба властей с православной церковью проходила и в сельских районах Глазовской епархии. Об этом свидетельствуют «Списки церквей» епархии, составленные в 1935 г. Согласно им, в том году на 28 действующих храмов приходилось 25 закрытых, 6 из них были *«временно прикрыты местной властью (из-за непосильных требуемых ремонтов)»*.

Находясь в Глазове, владыка продолжал сохранять тесные связи с Вятской епархией, в которую входило его епископство. В частности, в 1930 г. диаконы о. Израиль Левитский (из Вятского района) и Афанасий Сметанин (из Верховинского района), ввиду отсутствия в Вятке правящих архиереев, с согласия Епархиального Совета, приехали в Глазов и были рукоположены епископом Авраамием в сан священника.

В 1931 г. владыка подвергся очередному гонению со стороны властей и был проговорен Глазовским народным судом за «антисоветскую агитацию» к принудительным работам сроком на один год. Тогда же епископ Авраамий по собственному прошению был уволен на покой. Однако, как свидетельствуют документы, из Глазова он не уехал, потому что срок его ссылки истек только в 1934 г. Вместе с братом Василием Авраамий в 1933-1934 гг. продолжал входить в состав *«служителей культа,*

состоящих на службе в религиозной общине Преображенского собора».

В феврале 1935 г. владыка, совместно с тремя священниками Преображенского собора, подал в Глазовский горсовет жалобу «о неправильности обложении доходным налогом и кульсбором» за текущий год, ввиду того, что епископ Авраамий «в 1927-28 г. в Глазове не служил и доходного налога в 1928-1929 г. не платил». Горсовет постановил: «обложение доходным налогом и кульсбором» епископа «произвести наравне с другими священниками г. Глазова <...> излишне начисленную сумму доходного налога 306 р. и кульсбора 190 р. сложить, оставить к уплате доходного налога 264 р. и кульсбора 400 р.» Этот чудом сохранившийся документ свидетельствует о том, что и в Глазове применялась распространенная в те годы в СССР практика финансовых злоупотреблений в отношении духовенства. Но священнослужители Глазова совместно с владыкой Авраамием временами могли успешно отстаивать свои права перед местной властью.

К сожалению, в основном массиве архивных документов, посвященных деятельности православной общины Глазова исследуемого периода, имя епископа Авраамия почти не сохранилось. Это обстоятельство можно объяснить, во-первых, тем, что в то время в православном приходе юридическим лицом признавалось не духовенство, а миряне. Поэтому деловая переписка храмов и протоколы приходских собраний велись от лица членов церковных советов. Во-вторых, по причине сосредоточенности на духовной, а не мирской жизни владыка не вмешивался в административные дела прихода собора, осуществляя только духовное пастырство над своими прихожанами. Такой вывод можно сделать из материалов исследовательских трудов и воспоминаний современников.

26 декабря 1934 г. определением Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Сергия и Патриаршего Синода, в связи с присвоением Архиепископу Ижевскому положения Областного Архиерея, Глазовское викариатство Кировской епархии было признано «самостоятельной Епархией в пределах Удмуртской области». 3 января 1935 г. владыка Авраамий был окончательно освобожден от ссылки и спустя несколько месяцев, 9 мая, получил назначение как «епископ Глазовский, управляющий Глазовской самостоятельной епархией». Через два года Авраамий, «в воздаяние за усердное и многолетнее служение Церкви Божией», указом Московской патриархии от 9 января 1937 г. был возведен в сан

Архиепископа.

Однако владыке Авраамию было не до радости. 21 ноября 1936 г. комиссия Горсовета, в очередной раз, *«впредь до окончания ремонта»* здания Преображенского собора потребовала *«немедленного прекращения <...> ни молитвенных, ни каких либо других собраний»*. Поэтому в конце января 1937 г. новоиспеченный архиепископ Глазовский был вынужден ехать в Москву вместе с делегацией верующих Глазовской епархии, отправленной *«с ходатайством во ВЦИК об отмене решения Глазовского Горсовета о закрытии»* Преображенского храма. В столице владыка Авраамий имел беседу о судьбе собора с митрополитом Сергием. Однако все хлопоты верующих ни к чему не привели. Тогда владыка Авраамий стал проводить богослужения *«в квартире в присутствии немногих прихожан, начиная службу в 4 часа утра»*. Свидетельством, пусть и пристрастным, духовной стойкости архиепископа и его паствы может служить заметка некоего А. Столова *«В Глазове нет отпора церковникам»*, напечатанная 1 июня 1937 г. в республиканской газете *«Удмуртская правда»*. Автор сообщал: *«местный поп Авраамий, под видом «афонских стоянок», при помощи активных церковников, устраивает в церкви совещания <...> большое внимание церковники обращают на организацию религиозной работы среди молодежи и кое-где им это удается <...> агитации церковников надо дать решительный отпор»*.

10 мая 1937 г. владыка Авраамий был арестован на своей квартире в «сторожке» собора. Сначала архиепископ отбывал заключение в глазовской тюрьме, затем был переведен во внутреннюю тюрьму НКВД Ижевска. Предъявленное обвинение в антисоветской агитации он отверг, заявив, что закрытие собора является гонением на верующих и нарушением Конституции. Вслед за владыкой арестовали его ближайших сподвижников: псаломщика Дмитрия Модестова и церковного старосту Преображенского собора Андрея Пепеляева, также проживавших в «сторожке» вместе с архиепископом. Все трое были осуждены и приговорены: Дернов и Модестов к 10 годам, Пепеляев к 5 годам лишения свободы. 30 августа 1938 г. последовало распоряжение о ссылке владыки Авраамия в северо-восточные лагеря. По словам двоюродного брата владыки П.М. Овчинникова, архиепископа, которому к тому времени уже исполнилось 65 лет, *«сослали куда-то на Беломорканал. Верующие гор. Глазова послали ему посылку, в ответ же*

пришло уведомление, что его уже нет в живых...». Как стало известно позже, владыка Авраамий скончался в 1939 г. на пути в лагерь.

По словам священника Преображенского собора, о. Василия Домрачева, после ареста архиепископа Авраамия *«Глазовское Епархиальное Управление механически перестало существовать»* в конце 1937 г. или в начале 1938 г. Все трое осужденных впоследствии были реабилитированы 27 апреля 1992 г. Еще раньше, в 1970-е гг. имя мученически погибшего за веру Архиепископа Авраамия было внесено православной церковью на «вечное» поминовение в Троице-Сергиевой Лавре.